

Aleksander Kiklewicz

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

Парадигмы языкознания как типы профилирования знаков

Ключевые слова: философия языка, парадигмы языкознания, языковой знак, семиотическая лингвистика, принцип оптимальности, постмодернизм в лингвистике

Key words: philosophy of language, linguistics paradigm, linguistic sign, semiotic linguistics, optimality principle, postmodernism in linguistics

Summary

The paper is devoted to problem of the paradigms of linguistics. The author analyzes and appraises the different ways of the organizing of linguistic knowledge, therewith he dedicates the main attention of Slavic (especially Russian) philosophy of language. The paradigms are treated as types of profiling of sign. The author proposes a new classification of linguistics paradigms, which is based on a synergetic model of sign. Each of the selected six paradigms is described.

В 1962 году в повести «Иду на грозу» русский прозаик Даниил Гранин предложил шутивное определение философа и специалиста:

Специалист старается знать все больше о все меньшем, пока не будет знать все ни о чем.
А философ узнает все меньше о все большем, пока не будет знать ничего обо всем.

Это, казалось бы, парадоксальное сопоставление двух типов мышления и типов научной деятельности хорошо отражает сущность направлений, школ, парадигм языкознания: ни одна научная теория, ставшая основополагающей для определенного научного сообщества, не рассматривает язык в единстве всех его аспектов – в качестве объекта исследования принимается один аспект: внутренний (имманентный) или внешний (экстернальный), структурный или функциональный, синхронический или диахронический

(исторический), идиосинкратический или универсальный. Этот выбранный аспект абсолютизируется – наблюдается, как пишет Ю.Н. Караулов, г и п о с т а з и р о в а н и е, т.е. приписывание ему особого, главенствующего статуса [1987]. Караулов, как известно, выделил в истории языкознания четыре парадигмы: историческую, психологическую, системно-структурную и социальную [Караулов 1987: 18 ссл.], каждая из которых по-своему моделирует язык: по образу биологии – как эволюционирующий объект, по образу химии – как сложноорганизованный объект и тд. (подробнее о моделировании языка посредством применения концептуальных метафор см.: Pielenz 1995: 78).

Ситуацию в языкознании в настоящее время усложняет характерный для эпохи постмодернизма культурный релятивизм и, в частности, отсутствие научных авторитетов и «больших» научных теорий, интегрирующих научное сообщество. Например, в Польше представлены относительно небольшие группы исследователей, которые опираются на диаметрально различные методологические установки. Так, люблинско-вроцлавская группа лингвистов проповедует методологический эмпиризм, феноменологический подход к языку, тогда как исследователи варшавско-торуньской школы развивают структурную семантику. О таком разнообразии лингвистического знания пишут – со ссылкой на известного швейцарского философа языка П. Серио – А.Л. Факторович и Д.И. Руденко: с их точки зрения «в лингвистике играет роль то, где раз в и в а е т с я та или иная концепция» [1993: 7; разрядка моя – А.К.]. Упомянутые авторы пишут о существовании разных национальных и геокультурных традиций философии языка: славянской, англосаксонской и романской.

Совершенно очевидно, что в такой диссипативной, размытой ситуации все актуальнее становится требование синергического подхода к языку, т.е. такого, который бы в рамках единой системы категоризации рассматривал, хотя бы – соотносил, учитывал, все его аспекты. Собственно, это задание и призвана выполнять философия языка или – в другой терминологии – семиотическая лингвистика, основы которой в России были заложены Ю.С. Степановым [1985; см. также: Руденко 1993: 103].

Существуют разные подходы к категоризации лингвистического знания. Уже в античности, а особенно в философии XVII–XVIII веков обозначилась оппозиция двух направлений: рационализма и эмпиризма. Так, в области онтогенезиса языка противопоставляются два теоретических направления: с одной стороны – нативизм, который в XX веке получил сильный импульс благодаря работам Н. Хомского и его последователей, с другой стороны – коннексионизм, уходящий своими корнями в философию эмпиризма. Рационализм и эмпиризм – это две фундаментальные теоретические системы, с помощью которых можно объяснить поляризацию разных направлений языкознания: компаративизма и психологизма, бихевиоризма и генеративизма (ср. высказывание Г. Штейнера: «Для Хомского критика бихевиоризма была исходным пунктом» [Steiner 2000: 151]), структурализма и постструктурализма

(антропологической лингвистики). Так, известная польская исследовательница К. Писаркова [Pisarkowa 2000: 175] утверждала:

Strukturalizm chciał badać „język jako taki”, jako „system” – „sam w sobie i dla siebie samego”, a relatywizm rekonstruował z konkretnego języka etnicznego obraz świata zdeterminowany przez konkretny pryzmat tegoż języka [Перевод: Структурализм стремился исследовать «язык как таковой», как «систему», «сам в себе и для себя», тогда как релятивизм реконструирует на базе конкретного национального языка картину мира, которая частично детерминирована данным языком].

Й. Майбауэр различает в современном языкознании два основных направления: формальное и функциональное, при этом первое восходит к традиции рационализма, а второе – к традиции эмпиризма [Meibauer 2001: 3]. Важнейшие свойства этих направлений немецкий ученый представляет следующим образом:

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФОРМАЛИСТОВ:	С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛИСТОВ:
1. Язык имеет психическую, логическую, ментальную природу.	1. Язык имеет социальную природу.
2. Языковые универсалии имеют общую генетическую основу, т.е. обусловлены свойствами человеческого рода.	2. Языковые универсалии возникают благодаря существованию общих правил функционирования языка в обществе.
3. Языковая деятельность (активность) человека является его врожденной способностью.	3. Языковая деятельность (активность) приобретается и развивается в процессе практической и интеллектуальной деятельности человека.
4. Язык (как объект лингвистического исследования) имеет автономный, самодостаточный характер.	4. Объектом языкознания является функционирование языке в человеческом обществе.

Пожалуй, большинство современных лингвистов соглашается в мнении, что наиболее точное, репрезентативное представление о системе лингвистического знания, особенно с учетом его динамики, дает (введенное Т. Куном) понятие научной парадигмы. Обзор точек зрения и существующих в этой области теорий был предложен в моей монографии [Kiklewicz 2007: 14 ссл.], где отмечается, что наряду с понятием парадигмы языкознания употребляется понятие «парадигма философии языка» [см.: Степанов 1985: 4; Руденко 1993: 101 ссл.]. В данной статье мое внимание будет сосредоточено прежде всего все на классификации этих парадигм.

Польская лингвистическая литература не изобилует исследованиями философского характера, поэтому исследователи, обсуждая типологию

лингвистического знания в эволюционной перспективе, обычно ссылаются на один и тот же источник – книгу краковского лингвиста И. Бобровского [1998: 34 ссл.]. В данной работе парадигмы науки (именно так – Бобровский не упоминает о парадигмах языкознания) вводятся как гносеологические и даже логические категории, которые сводятся к (частично известным в формальной логике) типам познавательной деятельности, в частности – к типам умозаключений. Таким образом Бобровский различает четыре научные парадигмы:

- 1) индукционистскую;
- 2) верификационистскую;
- 3) фальсификационистскую;
- 4) постмодеринистскую.

Такой подход, с моей точки зрения, является неприемлемым, поскольку принципы логического вывода: индукция, дедукция, верификация, фальсификация и др., – универсальны, они входят в канон научного исследования независимо от принадлежности исследователя к тому или иному сообществу ученых. Это утверждение не исключает, разумеется, того, что в рамках отдельных научных направлений могут по-разному ставиться акценты, связанные с исследовательскими процедурами, что обуславливает существование так называемых «когнитивных стилей» (подробнее об этом понятии см.: Холодная 2002).

Более обоснованной представляется позиция исследователей, которые при описании лингвистических парадигм используют (в более и менее явном виде) понятие *категоризации*: парадигмы рассматриваются как альтернативные, конкурирующие друг с другом типы профилирования языка, а особенно – языкового знака. Каждая новая парадигма по-своему определяет сущность языка, его основные свойства и подлежащие описанию аспекты. Эти аспекты могут быть формальными или функциональными, идиографическими (т.е. связанными с культурной мотивировкой языковой деятельности) или номотетическими (т.е. вытекающими из специфической природы языка) и тд.

Именно руководствуясь этими соображениями, упомянутый выше Ю.Н. Караулов выделил четыре парадигмы языкознания. Другой русский исследователь, И.П. Сусов, пишет о трех парадигмах:

Язык, как и всякий объект, может изучаться с точки зрения его возникновения и развития (историко-генетический аспект), строения (организационный, или системно-структурный, аспект) и функционирования в некой среде как более сложной системе (коммуникативно-прагматический аспект). Тот или иной аспект, оказываясь ведущим, задает структуру исследовательского подхода и определяет выбор основного объяснительного принципа, что открывает пути для формирования в рамках лингвистики трех ее научных парадигм [Сусов 2011; см. также: Сусов 1987].

При этом Сусов подчеркивает, что в современной науке о языке «основное противостояние имеет место между системно-структурной и коммуникативно-прагматической лингвистиками».

В русском языкознании наиболее известной является теория семиотической лингвистики Ю.С. Степанова [1985], который, опираясь на семиотический

треугольник Ч. Морриса, т.е. на определенные Моррисом три аспекта знаков, разграничил три философско-лингвистические парадигмы:

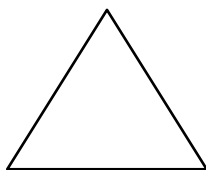
- 1) семантическую («философию имени»), которая занимается отношениями между знаками и называемыми объектами;
- 2) синтаксическую (т.е. структурную, или «философию предиката»), которая сосредоточивает внимание на отношениях между знаками;
- 3) прагматическую («философию эгоцентрических слов»), которая исследует отношения между знаками и условиями их употребления, прежде всего – установками языковых/речевых субъектов.

Теоретическая модель Степанова, однако, имеет существенный недостаток: ее автор учитывает выделенные Моррисом функциональные аспекты знаков, но совершенно игнорирует аспект, который для целых столетий лингвистической практики (начиная с грамматики Панини V века до н. э.) имел основополагающий статус. Речь идет о языковой форме – фонетической, лексической, грамматической. До сегодняшнего дня предмет компетенции лингвистов в первую очередь ассоциируется с описанием языковых форм, в частности, с проблемами культуры речи.

В наиболее общем формате проблема лингвистических парадигм сводится к определению структуры знака. Традиционно в ней выделяются два основных аспекта: форма и содержание. Эту оппозицию в лингвистический обиход ввел Ф. Де Соссюр, который писал: «Оба эти элемента теснейшим образом связаны между собой и предполагают друг друга» [Соссюр 1977: 99].

В первой половине XX века билатеральная модель знака получила дальнейшую разработку. Языковеды – под влиянием математической логики, а особенно – теории дескрипций Б. Рассела, возможно, также теории функционального прагматизма В. Джемса – обратили внимание на существование разных аспектов значения (хотя Э. Косериу констатировал наличие этой оппозиции в философии Аристотеля, см. Coseriu 2004: 103 ссл.): с одной стороны, было выделено предметное (референтное) значение знака, т.е. обозначение предметов, действий, состояний и процессов; с другой стороны, рассматривалось понятийное (сигнификативное) значение знака, т.е. отражение в знаке способа категоризации обозначаемых референтов в сознании носителей языка. Первый аспект стал предметом ономазиологии, т.е. теории номинации, а второй – предметом семасиологии, в другом определении – функциональной семантики. Новое представление о знаке было отражено в семантическом треугольнике [Ogden, Richards 1969: 11 ссл.].

Понятие

Семантический треугольник, а именно – лежащий в его основе теоретический подход, давал больше возможностей представления функциональных аспектов языка, однако имел и важное ограничение: в расчет не принимался социальный контекст употребления знаков и его важнейший элемент – человек, т.е. носитель и в какой-то степени творец языка. На это обратили внимание представители социологического направления в языкознании, в России – М.М. Бахтин и исследователи его круга, особенно В.Н. Волошинов, в Англии – представители лондонской школы (Дж. Фёрст и его последователи). Их критика традиционной лингвистики была направлена на то, что, как писал Б. Малиновский, раньше не учитывались коммуникативные ситуации, в которых значение языковых единиц актуализируется с учетом условий и процессов человеческой деятельности [см. Pisarkowa 2000: 153]. Благодаря усилиям этих ученых (а к ним следует добавить также представителей немецкой школы неогумбольдтианства и более поздней французской школы анализа дискурса) в орбиту лингвистических исследований был вовлечен контекст как фундаментальная категория языковой деятельности и даже языковой компетенции.

Лежащая в основе данной статьи научная концепция опирается на понятие синергизма – взаимодействия разных аспектов функциональной системы. Предлагаемая синергическая модель знака и базирующаяся на ней синергическая модель лингвистических парадигм учитывает все выделенные ранее аспекты знака, рассматривает их в концептуальном единстве: во-первых, учитывается исходная оппозиция содержания и формы; во-вторых, принимается во внимание семантическая модель Огдена и Ричардса; в-третьих, в сферу знака включена также категория контекста. Таким образом, знак включает пять аспектов:

- 1) форму;
- 2) сигнификативное значение;
- 3) референтное значение;
- 4) структуру;
- 5) контекст (окружение).

Это, однако, еще не все. Важное место в синергической модели знака занимает шестой элемент, о котором я уже писал в предыдущих публикациях [Киклевич 1999: 127; Kiklewicz 2004: 47] – принцип оптимальности. Он заключается в том, что в зависимости от типа речевого действия, окружения, состояний речевых субъектов и др. отношения между аспектами знака конфигурируются таким образом, чтобы взаимодействие языка и внешней среды было оптимальным.

Действие принципа оптимальности я покажу на следующем примере. Принято считать, что с увеличением формата знака (т.е. перехода от звука к морфеме, от морфемы – к лексеме, от лексемы – к словосочетанию, от словосочетания – к предложению) степень его иконичности, композиционности, а значит, и роль структурного фактора возрастает. Но оказывается, что при

этом возрастает и роль среды как фактора содержательной наполненности языковых знаков: слова как номинативные, закодированные в памяти носителей языка единицы семантически более устойчивы, конвенциональны по сравнению, например, с предложениями, значение которых, в принципе, идиосинкратично, т.е. зависит от условий употребления. Учитывая (согласно постулатам общей теории систем), что структура и среда представляют собой два противодействующих фактора – ведь структура объекта увеличивает его сопротивляемость по отношению к воздействиям среды, рассматриваемая выше ситуация представляется как чрезвычайная, парадоксальная. Проблема довольно просто решается с помощью принципа оптимальности: с возрастанием масштаба знака увеличивается роль человеческого фактора, который, в частности, проявляется в свободе выбора такой конфигурации структурных элементов знака, которая наиболее соответствует внешним (психическим, социальным, физическим, физиологическим и т.д.) условиям речевой деятельности.

Часто принцип оптимальности реализуется в форме принципа минимального действия: речь идет о компрессии формальных и структурных параметров речевых сообщений в условиях, когда значительная часть информации вытекает из контекста. М.А. Шелякин пишет в связи с этим о «принципе минимальной самодостаточности признаков языковых единиц». Этот принцип

заключается в оптимальной редукции информации, содержащейся в знаке [...] что обеспечивает оперативность и автоматизм передачи и понимания языковых единиц. [...] Наличие у человека минимума дифференциальных признаков объекта подтверждается психологическими наблюдениями: при первом восприятии объекта происходит его восприятие полностью, но при втором и т.д. восприятии человек руководствуется лишь «критическими точками», а остальные признаки редуцируются [Шелякин 2002: 111 ссл.].

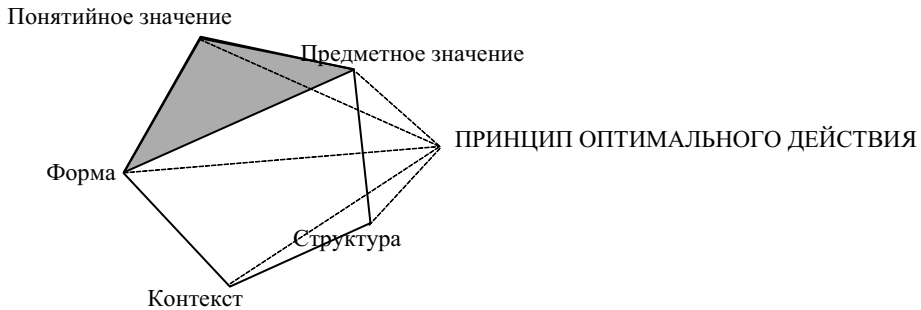
Было бы ошибочным, однако, отождествлять эти два понятия: принцип оптимальности и принцип минимального действия, так как нередки ситуации языковой деятельности, в которых речевой субъект стремится к языковой избыточности – это свойство речевых сообщений называется также редунданцией. А.А. Реформатский [1987: 148 сл.] предложил в связи с этим понятие «добавочной защиты», которое понимал как употребление в тексте дополнительных, необязательных с точки зрения отправителя сообщения знаков, которые используются с целью обеспечения понимания сообщения в неидеальных условиях, когда его элементы подвергаются более или менее сильной деформации. Так Реформатский интерпретировал знаки препинания.

Американский философ Дж. Миллер [2004: 395 ссл.] пошел дальше – выдвинул концепцию, согласно которой имеющая место в разных культурных ситуациях и граничащая с маньеризмом чрезвычайная регламентация и языковая организация текстов (например, ораторского стиля) обусловлена

стремлением речевого субъекта (мужчины) к особому типу эмоционального воздействия, целью которого является сексуальное возбуждение коммуникативного партнера, а в конечном итоге – успех в половых отношениях.

Гиперконструкция текста встречается также в условиях суггестивного речевого воздействия, например, в религиозных проповедях, когда формальная избыточность и структурная повторяемость элементов текста служат для передачи особого духовного смысла [Kiklewicz 2005: 142].

С учетом введенных выше параметров языкового знака можно графически представить его синергическую модель. Комментарий: затушеванный фрагмент пентаграммы означает треугольник Огдена – Ричардса.

В зависимости от типа культуры принцип оптимальности определяет релевантность или, другими словами, актуальность тех или иных элементов знаков: в традиционной лингвистике на первый план выдвигается форма, в структурной лингвистике – структура, в антропологической лингвистике – социальный контекст и тп. Такой подход, а прежде всего – четкая параметризация знака как сложного, функционального объекта позволяет выделить в истории языкознания шесть научных парадигм:

- 1) традиционная формальная парадигма – профилирование формы языковых единиц (с древности до второй половины XIX века);
- 2) семасиологическая (психологическая) парадигма – профилирование закодированной в системе языка (а также в языковой памяти его носителей) понятийной системы, отчасти связанной с системой культуры (вторая половина XIX века);
- 3) ономасиологическая (реистическая, экстенциональная) парадигма – профилирование номинативного аспекта содержания языковых знаков, т.е. их отношения к предметам действительности, положениям дел и тп. (первая половина XX века, возрождение этой парадигмы – в 70–80-е годы XX века);
- 4) структурная парадигма – профилирование структуры языка, т.е. парадигматических и синтагматических отношений между его единицами разного формата (фонемами, лексемами, граммемами, предложениями),

- в том числе и межуровневых отношений, т.е. функционирования единиц меньшего формата в составе единиц большего формата (начиная с первой половины до 70-х годов XX века);
- 5) постструктурная (антропологическая) парадигма – профилирование (коммуникативного когнитивного, культурного и др.) контекста (т.е. среды, окружения) языковой системы (начиная с 70-х годов XX века до наших дней);
- 6) парадигма универсализма (холистическая парадигма) – профилирование принципа оптимальности.

Кратко охарактеризую каждую парадигму. Ф о р м а л ь н а я п а р а д и г м а сформировалась еще в древнем мире. Основным типом лингвистического знания в этой парадигме считались грамматики. В средние века господствовало представление об универсальной грамматике, которая была бы построена по модели латинского языка. К этой идее, в сущности, сводится и сравнительно-историческое языкознание, которое ставило своей задачей описание общих правил языкового развития, при этом исследователей интересовали исключительно формальные единицы – фонетические и грамматические.

С е м а с и о л о г и ч е с к а я п а р а д и г м а представлена психологическим направлением второй половины XIX века. С этого времени в систему наук о языке постепенно вводятся элементы функционализма: был отброшен примат языковой формы в пользу представления о языке как о функциональной системе. Психологи предложили идиографическую трактовку языку, согласно которой его семантика целиком погружена в духовную культуру его носителей – и на уровне социальной группы, и на уровне индивидов. Л.В. Сахарный приводил в связи с этим утверждение немецких лингвистов Г. Остгофа и К. Бругмана, авторитетов лингвистики того времени: «Язык не есть вещь вне людей и над ними и существующая для себя; он по-настоящему существует только в индивидуумах» [1983: 7 сл.]. Представители немецкой психологической школы В. Вундта понимали свою задачу как описание менталитета народа через описание языка, фольклора и ритуалов.

С л е д у ю щ а я, о н о м а с и о л о г и ч е с к а я п а р а д и г м а наименее заметна в истории языкознания, она как бы самая «тихая» (например, по сравнению с «громким» структурализмом). Эта парадигма возникла в первой половине XX века – возможно, под влиянием книги Л. Витгенштейна *Tractatus logico-philosophicus* [1921/1969], в которой была представлена репрезентативная, иконическая модель знака (а именно – предложения), структура которого повторяет структуру референта (т.е. отображаемого положения дел). Сущность этой парадигмы состоит в профилировании референтного отношения знаков, т.е. их способности выступать в качестве имен предметов, действий, процессов, состояний и тд. Поэтому данную парадигму можно также квалифицировать как номинативную. Видимо, на развитие данного направления лингвистики повлияла философия феноменологии – это влияние наиболее чувствовалось в случае австрийской школы «Слова

и вещи» («Wörter und Sachen»), к которой принадлежали такие известные ученые, как Р. Мерингер, Г. Шухард и др.

Номинативная парадигма включала три значительные направления лингвистических исследований:

- 1) исследования в области семантических полей, которые трактовались (например, Ф. Дорнзайфом) как предметные группы (ср. нем. *Sachgruppen*);
- 2) семантический синтаксис, который отчасти опирался на грамматику зависимостей Л. Теньера, отчасти же – на математическую логику, в частности, логическую семантику А. Тарского; эта лингвистическая модель наиболее последовательно (если рассматривать славянские страны) была разработана польскими лингвистами, впервые – в «Грамматике современного польского языка» под редакцией З. Тополинской [1984], а также в работах С. Кароляка [2002], М. Корытковской и А. Киклевича [2010] и др.;
- 3) исследования в области теории референции, которая восходит к теории дескрипций Б. Рассела и которая была особенно популярной в 80-е годы прошлого столетия, когда можно было говорить о возрождении ономазиологической парадигмы.

На появление структурной парадигмы значительное влияние оказала литература модернизма начала XX века, особенно поэзия (в таких странах, как Чехия или Россия). В эту эпоху наступила смена стилей письма: языковая форма и структура текста выдвинулась на первый план и интерпретировалась (сознательно или подсознательно) как важнейший элемент содержания. Семантизация формы и структуры текста была основным конструктивным принципом литературы модернизма. Позднее, в 70-е XX века Ю.М. Лотман писал, что такой тип поэтики (когда художественный текст становится ценностью самой в себе) сформировался под влиянием живописи, где отдельные элементы картины приобретают смысл только в единстве взаимных связей, как система [1973: 386].

Структурализм в Европе и в США был представлен несколькими направлениями, наиболее важными из которых являлись: женеvская школа, датская (копенгагенская) школа, пражская школа (функциональный структурализм), французская школа (структурный анализ текста), тартуско-московская (семиотическая) школа, американская генеративная лингвистика. Б.М. Гаспаров пишет о важной роли семиотики для развития структурализма, особенно в 60-е XX века [1998; 2002]. Ученый отмечает, что, начиная с 70-х годов прошлого столетия, в языкознании намечается крен в сторону феноменологии, антропологии, эмпирического (а не номотетического) мышления о языке. Лингвистическая семиотика постепенно уходит в историю, о чем пишет, например, польский исследователь тартуско-московской школы Б. Жилко [Żyłko 2009: 81]. По мнению Гаспарова [1996: 34], прежде всего благодаря работам французских философов языка, таких, как М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Делез и др., в науках о языке набирает силу индетерминизм

и иррационализм, что создает предпосылки для научной революции и появления новой парадигмы.

В конце прошлого столетия в языкознании (и вообще – в гуманитарных науках) распространяется постструктуралистская парадигма – иначе ее именуют постмодернистской, антропологической и даже экологической [см. Генис 2002: 306]. В основе этого направления лингвистических исследований лежит профилирование контекста, т.е. описание языка с точки зрения его регулярного взаимодействия с элементами среды. Иногда утверждается, что постмодернизм в языкознании, главным образом, заключается в исследовании языка в аспекте его употребления [см. Fairclough, Duszak 2008: 11], однако это не совсем верно, потому что современная «открытая» лингвистика одинаково много внимания уделяет как социальным, коммуникативным, так и когнитивным проблемам его функционирования. Когнитивисты трактуют язык как модель репрезентации мира.

Среда функционирования языка стала интересовать лингвистов довольно поздно – во второй половине XIX века, когда распространилась (восходящая к философии романтизма) концепция «*milieu*», т.е. всеобъемлющего окружения языка и человека [Rewers 1996: 20 ссл.]. На развитие постмодернизма в языкознании конца XX века влияние оказала психология языка второй половины XIX века (см. выше), а также научные направления, в основе которых лежал эмпиризм: русская социологическая школа, немецкое неогумбольдтианство, лондонская функциональная школа, американская антропология культуры. Именно благодаря развитию этих направлений в первой половине прошлого столетия в теоретическом языкознании появилась оппозиция внутренней и внешней лингвистики.

Антропологическая лингвистика выдвигает тезис, в соответствии с которым языковая форма в коммуникации вторична, а важнейшую роль играет информация, которую участники коммуникации черпают из окружения. Таким образом, языковеды постепенно отказываются от традиционной, линейной интерпретации текста, в основе которой лежит последовательная обработка номинативных знаков и их синтагматических конструкций. Напротив, доминирующей становится деконструкция текста, означающая его синергическую интерпретацию – на основе регулярных или случайных факторов его окружения, например, психических установок речевых субъектов [Spivey-Knowlton, Trueswell, Tanenhaus 1993: 301].

Можно встретить суждение, что «в лингвистике открытия играют несравненно меньшую роль, чем способы ставить научные проблемы – стили мышления» [Серио 1993: 37]. Это не совсем верно, потому что и открытия в языкознании важны. Например, открытие европейцами санскрита в XVIII веке во многом способствовало появлению сравнительно-исторического метода в языкознании. Так и с антропологической лингвистикой: на ее распространение, несомненно, оказал влияние тот факт, что лингвисты в XX веке обратились к единице наивысшего формата – тексту, а также к речевой,

в том числе и устной, коммуникации. Интересно, что в России эта традиция в какой-то степени была заложена марксистским языкознанием, один из апологетов которого, А.С. Мельничук, писал:

Абстрактная система языка как результат научной обработки реального языка не может рассматриваться на одном уровне с конкретным языком как речевой деятельностью и не может считаться непосредственным объектом лингвистического исследования наряду с речью [Мельничук 1992: 5–6].

Как известно, основное свойство разговорной речи – субстанциональность, т.е. взаимодействие речевых сообщений с конституацией [Warchala 2003: 40]. Этим свойством обусловлена частичная или полная некомпозиционность речевых сообщений, т.е. незаполненность некоторых синтаксических позиций, деформация синтаксических связей, контаминации и др. [подробнее см. Звегинцев 1976: 178]. Эта особенность разговорной речи и обусловила интерес исследователей к «субстанциальной» стороне речевой коммуникации.

В эпоху постмодернизма стал отчетливо заметен методологический плюрализм, являющийся отражением характерного для современности культурного релятивизма. Краковская исследовательница Д. Шумска [Szumska 2007: 8] объясняет это влиянием философии Х.Г. Гадамера, противопоставившего истину и метод, а также теорией научных революций Т. Куна, который считал невозможным диалог между конкурирующими парадигмами. Шумская пишет, что такая методологическая установка требует от исследователя смирения, а именно – усвоения принципа, согласно которому всякое знание относительно, а значит, «мое» и альтернативное знание равноправны.

Может даже возникнуть впечатление, что мы живем в постпарадигматическую эпоху, когда перестали существовать научные авторитеты и большие научные теории (об этом уже была в первой части статьи). Именно поэтому ценность интегративного подхода в языкознании как никогда возросла.

Наука, сохраняя специализацию отдельных дисциплин, стремится к интеграции, к взаимодействию разных форм знания. Последняя из выделенных парадигм, универсалистская, другими словами – интегрирующая, как можно надеяться, будет доминирующим направлением в науках о языке в будущем. Все предшествующие парадигмы состояли в том, что брался отдельный аспект языка, которому приписывался доминирующий статус. Отличность новой парадигмы заключалась бы в том, что она должна была бы объединить все аспекты в рамках общей концепции. Такая установка максимально корреспондирует со здравым смыслом, ведь жизненность языка, его способность эффективно функционировать в разнообразных условиях человеческой деятельности обусловлена единством всех его элементов и всех категорий. Поэтому новая парадигма будет иметь междисциплинарный характер, объединяя в рамках научных проектов специалистов из разных областей: лингвистов, психологов, социологов, философов, специалистов по искусственному интеллекту, культурологов, математиков и др. – ср.

введенное Ч.П. Сноу понятие «третьей культуры» [Snow 1992; см. также: Bobryk 2009]. Это, разумеется, не исключает автономного развития специальных областей знания.

Гипостазирование, гиперболизация в науке может свидетельствовать об интеллектуальной силе исследователя и даже о его научной отваге. Надо, однако, признать, что с точки зрения постижения истины, особенно – с точки зрения познания закономерностей функционирования изучаемых объектов, такая исследовательская установка является нецелесообразной, мало пригодной (хотя часто она становится импульсом для возникновения научных сообществ, школ, направлений). Идея универсализма в науке в этом контексте кажется особенно привлекательной, но при этом следует помнить, что научно обоснованный, «зрелый» универсализм требует совершенных инструментов исследования, а также предполагает новый тип «повзрослевшего» исследователя, способного решать междисциплинарные проблемы.

Литература

- Bobrowski I., 1998, *Zaproszenie do językoznawstwa*, Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN.
- Bobryk J., 2009, „Trzecia kultura” i „renesans” myślenia naukowego, *Zagadnienia Naukoznawstwa*, № 1 (179), с. 43–56.
- Coseriu E., 2004, *Der Phyeisei-Thesei-Streit. Sechs Beiträge zur Geschichte der Sprachphilosophie*, Tübingen: Günter Narr.
- Fairclough N., Duszak A., 2008, Wstęp. Krytyczna analiza dyskursu – nowy obszar badawczy dla lingwistyki i nauk społecznych [в:] A. Duszak, N. Fairclough (ред.), *Krytyczna analiza dyskursu. Interdyscyplinarne podejście do komunikacji społecznej*, Kraków: Universitas, с. 7–29.
- Karolak S., 2002, *Podstawowe struktury składniowe języka polskiego*, Warszawa: Instytut Sławiistyki PAN.
- Kiklewicz A., 2005, Zur suggestiven Funktion des Textes, *Acta Neophilologica*, VII, с. 131–146.
- Kiklewicz A., 2004, *Podstawy składni funkcjonalnej*, Olsztyn: Wydawnictwo UWM.
- Kiklewicz A., 2007, *Zrozumieć język. Szkice z filozofii języka, semantyki, lingwistyki komunikacyjnej*, Łask: Leksem.
- Kiklewicz A., Korytkowska M. (ред.), 2010, *Podstawowe struktury zdaniowe języków słowiańskich: białoruski, bułgarski, polski*, Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej.
- Meibauer J., 2001, *Pragmatik. Eine Einführung*, Tübingen: Günter Narr.
- Miller G., 2004, *Umysł w zalotach. Jak wybory seksualne kształtowały naturę człowieka*, Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Ogden C.K., Richards I.A., 1969, *The Meaning of Meaning. A Study of The Influence of Language upon Thought and of The Science of Symbolism*, London: Routledge & Kegan Paul.

- Pielenz M., 1995, *Argumentation und Metapher*, Tübingen: Günter Narr.
- Pisarkowa K., 2000, *Językoznawstwo Bronisława Malinowskiego*, t. 1. *Więzy wspólnego języka*, Kraków: Universitas.
- Rewers E., 1996, *Język i przestrzeń w poststrukturalistycznej filozofii kultury*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Snow C.P., 1992, *The two cultures: and a second look: an expanded version of The two cultures and the scientific resolution*, Cambridge, New York: Cambridge.
- Spivey-Knowlton M. J., Trueswell J.C., Tanenhaus M.K., 1993, Context effects in syntactic ambiguity resolution: Discourse and semantic influences in parsing reduced relative clauses, *Canadian Journal of Experimental Psychology*, № 47, с. 276–300.
- Steiner G., 2000, *Po wieży Babel. Problemy języka i przekładu*, Kraków: Universitas.
- Szumaska D., 2007, „Dekada dekadencji? Frustracje lingwisty(ki) XXI wieku”, *Polonica*, XXVIII, с. 5–11.
- Topolińska Z. (ред.), 1984, *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*, Warszawa: PWN.
- Warchala J., 2003, *Kategoria potoczności w języku*, Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Wittgenstein L., 1969, *Schriften I. Tractatus logico-philosophicus. Tagebücher 1914–1916. Philosophische Untersuchungen*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Żyłko B., 2009, *Semiotyka kultury. Szkoła tartusko-moskiewska*, Gdańsk: Słowo, obraz, terytoria.
- Гаспаров Б., 1996, *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*, Москва: Новое литературное обозрение.
- Гаспаров Б., 1998, Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен [в:] С.Ю. Неклюдов (ред.), *Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления*, Москва: Языки русской культуры, с. 57–69.
- Гаспаров Б., 2002, *В поисках «другого» (французская и восточноевропейская семиотика на рубеже 1970-х годов)*, <http://teneta.rinet.ru/rus/>; 5.08.2011.
- Генис А., 2002, *Культурология. Раз!* Москва: Подкова, ЭКСМО.
- Звегинцев В.А., 1976, *Предложение и его отношение к языку и речи*, Москва: Издательство Московского государственного университета.
- Караулов Ю.Н., 1987, *Русский язык и языковая личность*, Москва: Наука.
- Киклевич А.К., 1999, *Лекции по функциональной лингвистике*, Минск: Издательство Белорусского государственного университета.
- Лотман Ю.М., 1973, Замечания о структуре повествовательного текста [в:] *Труды по знаковым системам*, т. VI, Тарту: Издательство Тартуского Университета.
- Мельничук А.С., 1992, Методологические поиски в современных подходах к исследованию языка [в:] А.С. Мельничук (ред.), *Методологические основы новых направлений в мировом языкознании*, Киев: Наукова думка, с. 3–15.
- Реформатский А.А., 1987, *Лингвистика и поэтика*, Москва: Наука.
- Руденко Д.И., 1993, Лингвофилософские парадигмы: границы языка и границы культуры [в:] Ю.С. Степанов (ред.), *Философия языка: в границах и вне границ*, Харьков: Око, с. 101–173.
- Сахарный Л.В., 1983, *К тайнам мысли и слова*, Москва: Просвещение.
- Серио П., 1993, В поисках четвертой парадигмы [в:] Ю.С. Степанов (ред.), *Философия языка: в границах и вне границ*, Харьков: Око, с. 37–52.

- Соссюр, Ф. Де, 1977, *Труды по языкознанию*, Москва: Наука.
- Степанов Ю.С., 1985, *В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства*, Москва: Наука.
- Сусов И.П., 1987, Лингвистика между двумя берегами [в:] И.П. Сусов (ред.), *Языковое общение: единицы и регулятивы*, Калинин: Издательство КГУ, с. 9–14.
- Сусов И.П., 2011, *Деятельность, сознание, дискурс и языковая система*, <http://homepages.tversu.ru/~ips/ips1988a.html>; 5.08.2011.
- Факторович А.Л., Руденко Д.И., 1993, *Философия языка: к рефлексии над границами (в качестве введения)* [в:] Ю.С. Степанов (ред.), *Философия языка: в границах и вне границ*, Харьков: Око, с. 3–12.
- Холодная М.А., 2002, *Когнитивные стили. О природе индивидуального ума*, Москва: PerSe.
- Шелякин М.А., 2002, *Язык и человек*, Тарту: Издательство Тартуского университета.